

Н. Д. КОЧЕТКОВА

РАДИЩЕВ И ПРОБЛЕМА КРАСНОРЕЧИЯ
В ТЕОРИИ XVIII ВЕКА

Свое представление об ораторе Радищев передает в следующих словах: «Человек, рожденный с нежными чувствами, одаренный сильным воображением, побуждаемый любочестием, изторгается из среды народных. Восходит на лобное место. Все взоры на него стремятся, все ожидают с нетерпением его произречения. Его же ожидает плескание рук или посмеяние, горшее самых смерти. Как можно быть ему посредственным? Таков был Демосфен, таков был Цицерон; таков был Пит; таковы ныне Бурк, Фокс, Мирабо и другие. Правила их речи почерпаемы в обстоятельствах, сладость изречения в их чувствах, сила доводов в их остроумии» (I, 387). Этот небольшой отрывок из «Слова о Ломоносове», завершающего «Путешествие из Петербурга в Москву», во многом помогает понять отношение писателя к проблеме красноречия. Прежде всего очевидно, что такая проблема для Радищева существовала. Просветительская вера в могущество и действенность слова делала эту проблему чрезвычайно насущной. Восхищаясь красноречием Ломоносова, Радищев замечает, что ораторский дар дает ему «право неоцененное действовать на своих современников» (I, 388). Перечень имен в приведенном выше отрывке показывает также, что автор «Путешествия» проявляет живой интерес к современным ему ораторам — они названы рядом с «хрестоматийными» Цицероном и Демосфеном.

Говоря о заслугах Ломоносова в области красноречия, Радищев вспоминает своего соотечественника и современника — митрополита Платона Левшина. Здесь же писатель размышляет и о дальнейшей судьбе русского ораторского искусства. Не находя еще достойного преемника Ломоносова, Радищев высказывает надежду на его появление в будущем: «И кто? он же, пресытившись обильным велеречием похвальных твоих слов, возгремит не твоим хотя слогом, но будет твой воспитанник» (I, 389). Характерное для Радищева отношение к красноречию как к литературному делу было связано с целой традицией, сложившейся в России в течение XVIII в.